

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**СТОЛИЦА
БЕГЛЫХ**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Дизайн серии *A. Саукова*

С24 Свечин, Николай.
 Столица беглых : [роман] / Николай Свечин. —
 Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-105994-1

Коллежский советник Лыков провинился перед начальством. Бандиты убили в Одессе родителей его помощника Сергея Азвестопуло. А он привлек к поискам убийц самого Сергея, а не отоспал в Петербург, как велели. В наказание Лыкова послали в Туруханский край. Оттуда участились побеги ссыльных; надо выяснить, как они ухитряются бежать из такого гиблого места. Прибыв к Полярному кругу, сыщик узнает, что побеги поставлены на поток. И где-то в окрестностях Иркутска спрятаны «номера для беглых». В них элита преступного мира отсиживается, меняет внешность, получает новые документы. А когда полиция прекращает их поиски, бандиты возвращаются в большие города. Не зря Иркутск называют столицей беглых. Лыков принимает решение ехать туда, чтобы найти и уничтожить притон...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105994-1

© Свечин Н., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

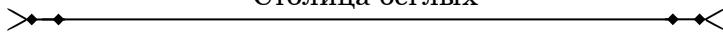
*Автор благодарит Виктора Рябенко
за помощь в создании этой книги,
а также за саму идею послать Лыкова в Иркутск.*

ГЛАВА 1

Командировка как наказание

Лыков явился к генерал-майору Курлову в тот же день, как вернулся из Одессы. Он понимал, что товарищ министра внутренних дел, шеф корпуса жандармов и заведывающий полицией на него обижен. Сыщик игнорировал прямое приказание начальника и не отстранил Азвестопуло от дознания убийства его родителей♦. Велено было прислать титулярного советника в Петербург, а тех, кто разбил головы отцу с матерью Сергея, искать в одиночку. Ну, при помощи одесских коллег, однако без ученика и помощника. Иначе, мол, получится вульгарная месть, что недостойно полицейского чиновника. Алексей Николаевич не выполнил приказ и ловил изувера Степана Балуцу вместе с Сергеем. Взяв с него сло-

♦ См. книгу «Одесский листок сообщает».

во поймать негодяя живым. И вот командировка в Одессу закончилась. Большой славы двум сыщикам она не принесла, и теперь они ждали неприятностей.

Курлов принял коллежского советника, как и ождалось, подчеркнуто сурово:

— Ну, доложите о своих художествах.

— Что имеет в виду ваше превосходительство? — столь же подчеркнуто невозмутимо уточнил Лыков.

— А вы не понимаете?

— Видимо, не до конца. Если насчет Азвестопуло, то, как я докладывал, он был болен и не мог сразу выехать к месту службы...

— Да будет врать! — взорвался генерал. — Мне все известно! Тамошнее градоначальство уведомило, как оно происходило на самом деле. Вы посмели нарушить мое категорическое распоряжение, привлекли сына убитых к дознанию и тем самым поощрили кровную месть. На коронной службе!

Лыков молчал. Он догадывался, что градоначальник Одессы Толмачев не удержит язык за зубами. Теперь следовало менять тактику.

— Ваше превосходительство. Позвольте напомнить, что вы командировали меня в Одессу с двумя поручениями одновременно. Я должен был арестовать убийц семьи путевого сторожа Дроздова — раз. А два — я имел приказ найти изменников, передавших германским шпионам планы минирования Одесской бухты на случай войны.

— Ну, помню. И что это меняет?

— Да ничего не меняет. Я просто хочу обратить ваше внимание на то, что оба приказания выполнены. Лукьянов, один из убийц Дроздовых, сидит в камере смертников в Тирасполе. И ждет виселицы. Второй злодей, Балуца, лежит в земле. Изменники со шпионами изобличены и посажены в тюрьму, Военное министерство весьма довольно. Так ли велика моя вина, если оба дознания закончены? И трудные дознания. А без помощи Сергея Маноловича не знаю, как бы я справился... Да, ваше распоряжение мне пришлось... скорректировать. Исходя из обстоятельств, для пользы дела. Признаю. Но я бывалый сыщик, часто принимавший подобные решения в трудной обстановке, руководствуясь опытом.

Лыков помолчал чуток и продолжил:

— Говоря по правде, Павел Григорьевич, я буду так поступать и впредь.

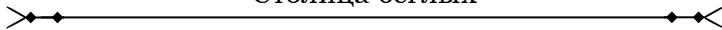
Курлов опешил:

— И вы столь невозмутимо мне об этом сообщаете? Мне, своему начальнику?

— А что еще остается?

— Алексей Николаевич... — генерал стал подыскивать нужные слова. — Я знаю ваш послужной список, он очень достойный... В Департаменте полиции нет уголовного сыщика опытнее вас. Сложнейшие дознания только вам и поручают. Но...

Коллежский советник невежливо перебил товарища ministra:

— Больше все равно некому, Павел Григорьевич. Вы уж простите мне мою вину, она не из прихоти, так было нужно, чтобы выполнить ваши же поручения. И августейший приказ.

Генерал вспомнил, что убийц семьи путевого сторожа действительно велел поймать сам государь. И он, Курлов, в свое время с гордостью доложил Его Величеству, что чинов МВД приказ исполнили. Но прощать сыщика заведывающий полицией не торопился:

— Так значит, без помощи титуллярного советника Азвестопуло вы не смогли бы справиться с делом?

— С двумя делами. В Одессе существовала глубоко законспирированная секретная организация, служившая германскому генеральному штабу. Что же касается Балуцы, преступный мир упорно его защищал. Это несвойственно нашим фартовым. А вот в городе акаций свои уголовные обычаи, и вышло так. Даже вдвоем мы провозились почти три месяца. Один я скорее всего торчал бы у моря и по сию пору.

— Хм... Не знаю, не уверен. Раз вы такой опытный, как сами мне только что заявили... Под вашей рукой была вся местная полиция. И как мог один человек оказаться незаменимым? Признайтесь, вы это нарочно, мне назло.

— Такими категориями, как назло начальству, никогда не мыслил. Только на пользу делу.

Генерал словно только что вспомнил и сообщил коллежскому советнику:

— Его Величество через премьер-министра Столыпина передал свое удовлетворение тем, что убийцы семьи Дроздова наказаны. И военный министр, уже мне лично, сказал, что в Одессе сделано много полезного.

— Вот видите, Павел Григорьевич, — упорно продолжил именовать генерала по имени-отчеству Лыков, — главное — это результат. Прошу поэтому и в дальнейшем разрешить мне действовать исходя из опыта и целесообразности.

Курлов откинулся на спинку кресла и неприязненно сощурился:

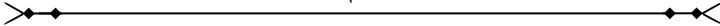
— Что ж, вам предоставляется хорошая возможность проявить свой опыт. Помножив его на целесообразность. Идите к директору департамента Зуеву, он даст важное поручение. Нужно провести обследование условий содержания ссыльных в Туруханском крае. Что-то часто оттуда стали бежать... Разберитесь и доложите.

— Главное тюремное управление подчиняется Министерству юстиции, при чем тут мы?

— Узнаете от Зуева, — холодно ответил генерал-майор.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Когда прикажете отбыть на место?

— Не позднее завтрашнего дня.

У Лыкова дернулась бровь, но он совладал с собой и сказал спокойно:

— Я не успею составить рапорт о командировке в Одессу. Кроме того, в Военном министерстве хотят обсудить со мной результаты агентурной игры.

— Хорошо, — пробурчал генерал-майор, — даю вам три дня на завершение всех ритуалов. А в понедельник чтобы выехали в Туруханск! Вместе с Азвестопуло.

Лыков вышел из кабинета злой. Вот достался начальничек... Дешевая месть обличала мелочную душу Курлова. Три месяца сыщики не были дома. У Сергея жена вот-вот родит. И на тебе, катись к Полярному кругу еще на полгода, чтобы помнил свою вину... Кретин!

Алексей Николаевич пошел на Фонтанку, 16, пешком, чтобы успокоиться. Не хотелось показывать департаментским, что товарищ министра сумел испортить настроение. Дойдя до службы, сыщик сразу явился к директору.

Зуев был не один. За столом сидели еще двое: исполняющий обязанности начальника Особого отдела коллежский советник Виссарионов и делопроизводитель Восьмого делопроизводства надворный советник Лебедев.

Василий Иванович Лебедев был давний товарищ Лыкова, хоть и занимал его место. Восьмое делопроизводство задумывал еще покойный Благово много лет назад. Задумывал как всероссийский

уголовный сыск, управляющий деятельностью всех отделений в империи. Алексей Николаевич развел идеи учителя, проработал штаты, сформулировал служебные обязанности. Год назад давняя борьба МВД с Министерством финансов наконец-то закончилась победой правоохранителей. В крупных городах было создано сразу 89 новых сыскных отделений. Командовать ими уполномочили Восьмое делопроизводство, которым, по совести, должен был руководить Лыков. Однако он угодил в опалу к государыне, когда неудачно разыскивал пропавшую икону Казанской Божией Матери♦. Императрица была известна злопамятностью. А еще безграничным влиянием на августейшего супруга. И опытный Столыпин задвинул провинившегося сыщика, отдав предпочтение Лебедеву. Случившаяся несправедливость не поколебала дружбы и взаимного уважения двух достойных людей. Хотя, конечно, осложнила их отношения в первое время.

Виссарионов был другой человек. Новое лицо в департаменте, он пришел сюда из прокурорского надзора. Полностью его должность называлась — чиновник особых поручений при министре IV класса сверх штата. Сергей Евлампиевич командовал важнейшим в структуре Департамента полиции Особым отделом и одновременно вел агентурные расходы. Наружно весьма религиозный, склонный к актерству, но при том чрезвычайно способный и трудолюбивый, Виссарионов держал дистанцию со всеми.

♦ См. книгу
«По остывшим
следам».

♦ Всего в документе было пять разделов. Литера «Б» — список лиц, за которыми требовалось установить наблюдение и надзор (без их ареста); «В» — сведения о неопознанных преступниках (с фотографиями); «Г» — перечень лиц, розыск которых надлежит прекращению, и «Д» — список похищенных и утраченных паспортов, служебных бланков документов, печатей и т.п.

♦♦ Зеленые ноги — белые из мест заключения.

Говорили, что он целил на должность вице-директора, но ему мешает еврейское происхождение.

Лыков застал коллег за привычным занятием: они кроили список разыскиваемых лиц под литерой «А». В этот раздел включались преступники, подлежащие, при их обнаружении, немедленному обыску и аресту♦. Большую часть их составляли политические, а меньшую — уголовные. Список обновлялся дважды в год и рассыпался во все полицейские управления империи. В раздел «А» обязательно включались белые.

— Здравствуйте, господа, — пожал три руки Алексей Николаевич. — Опять зеленые ноги♦♦ заносите? Не их ли мне только что велел отыскать Курлов?

Директор недовольно взорвался на подчиненного:

— Расскажи, как сходил.

— А ты, Нил Петрович, не догадываешься?

Лыков с Зуевым давно служили вместе и были на ты.

— Послал он тебя?

— Послал, — вздохнул сыщик. Хотел кое-что добавить, но покосился на Виссарионова и промолчал.

— А нечего начальству перечить, — назидательно указал Зуев. — Меня ты уже давно в грош не ставишь, так хоть товарищ министра научит чинопочитанию.

— Может, он еще и убийц ловить меня научит? — желчно парировал коллежский советник. — А то я без его руководства запутаюсь.

— Но-но, — прикинулся рассерженным действительный статский советник. — Шталмейстера не обижай. Он за нас за всех думает.

Курлов представлял редкое исключение в чиновном мире Петербурга: имел военный чин генерал-майора и придворное звание шталмейстера вместо свитского аксельбанта.

Департаментские дружно хмыкнули, потом Лебедев участливо спросил:

— Когда отбываешь?

— Дня через три-четыре, — ответил Лыков. — Как только сдам рапорт и объяснюсь с контрразведкой.

— А Сергей Манолович?

— Ему велено следовать за мной.

— Когда супруге его рожать?

— Недели через три, может, через месяц.

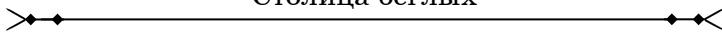
— Эх...

Теперь уже Лебедев покосился на заведывающего Особым отделом. Но не удержался и продолжил:

— Хоть бы ему дал дома пожить, ребеночка дождаться.

— Я бы сам не прочь дома пожить, отдохнуть от гостиничной вони и трактирной пищи.

— А ты знал, на что шел, когда противился Курлову, — возразил директор. — Так что теперь молчи.

Наконец Виссарионов сменил тему:

— Второй год составляю эти списки, а они все толще и толще делаются.

— Верно подмечено, — согласился Алексей Николаевич. — Я их уже двадцать лет верстаю. Помнится, сначала умещались на десяти страницах. А теперь как «Война и мир»... Нил Петрович, что за спешка такая с Туруханским краем? Кто оттуда сбежал, если надо бросить все дела и ехать смотреть условия надзора?

Зуев наморщил лоб:

— А ведь кто-то знатный утек... Как бишь его? Африкант Силин. И с ним еще трое.

Африкант Силин по кличке Африканец был известный в центральных губерниях налетчик, получивший каторжные работы с последующим водворением на поселение в отдаленные местности Сибири. Но таких по Руси — батальон... Почему из-за какого-то гнуса надо отрывать немолодого и заслуженного человека от дома?

— И все? Экая важная птица упорхнула... Что-то ты, Нил Петрович, не договариваешь. И почему я, чиновник МВД, еду проверять епархию Министерства юстиции? Курлов сказал, что ты объяснишь мне загадку.

Директор департамента бросил на сыщика раздраженный взгляд:

— Чего привязался? Все равно тебе ехать. Даю три дня для написания отчета о командировке

в Одессу. Больше не могу, сам понимаешь. Курлов будет за тобой приглядывать. Зачем гуся дразнил? А то не знал характер его превосходительства!

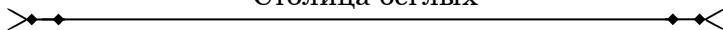
— Но не выдумал же он эту поездку в Туруханск только для того, чтобы наказать меня за строптивость! — воскликнул коллежский советник.

— Нет, конечно. Просто до государя дошло истинное состояние дел с нашей ссылкой. Какой-то расторопный болтун сообщил, что третья ссылочных постоянно находится в безвестной отлучке. Что бегут тыщами. Что Сибирь зеленые ноги терроризировали дальше некуда. И Его Величество повелели дать детальный отчет по этому вопросу. От нашего ведомства, в обход Минюста. Причем с рекомендациями, как исправлять! Чуешь?

Лыков погрустнел. Очередное высочайшее поучение, на котором орденов не заслужишь, а шею свернуть можно запросто. «Ссыльный вопрос» болезненный, там давно надо наводить порядок, а государство на это уже не способно. Хорошего решения нет, а плохое лежит на поверхности: усилить репрессии. Придется съездить в Туруханский край, посмотреть, как люди там умирают или бегут от невыносимых условий жизни. А потом вернуться в столицу и предложить еще сильнее затянуть гайки?

Виссарионов почесал свой знаменитый местечковый нос и сказал, словно приглашая обсудить:

— Странно все же. Приняли закон, отменили уголовную ссылку. Думали, станет лучше. А что получи-

лось? Ничего хорошего не получилось. Почему так, господа?

Он имел в виду закон от 12 июня 1900 года «Об отмене и ограничении ссылки в Сибирь». Заселение отдаленных земель преступным элементом всегда создавало множество проблем. Ссыльные не имели способов содержать себя честным трудом. В глухих лесах и на берегах великих рек просто не было такой возможности. Пособие от казны, само по себе недостаточное, полагалось не всем. И люди начинали пьянистовать, воровать и грабить местное население.

Закон от 12 июня отменил самый массовый вид ссылки — уголовную, то есть ссылку на житье и на поселение как наказание за уголовные преступления. Вместо этого теперь назначали лишение свободы в исправительных арестантских отделениях. Или, проще говоря, в тюрьмах. Перестали ссылать в Сибирь и за бродяжничество, бродяг теперь тоже сажали в тюрьмы. Кроме того, раньше крестьянские и мещанские общества имели право отправлять в Сибирь своих неугодных членов, изобличенных в порочном и развратном поведении. Теперь этих негодяев начали переводить в соседние волости, а не гнать за Урал. В результате количество высылаемых снизилось на 85 %. Остались только ссылка на каторгу с последующим поселением, а также ссылка за политические и религиозные преступления.

Глава 1. Командировка как наказание

— Это все пятый год, — не удержался от комментария Зуев. — Уголовных теперь мало, тон в Сибири задают политические. А между них, в свою очередь, больше всего солдат, осужденных за бунты. И всяких булочников, сапожников и печатников, рядовых деятелей социал-демократов. Прежней интеллигенции, страдающей за народ, теперь днем с огнем не сыщешь, они все живут в Швейцарии.

— Кто же тогда бежит? — повернулся на столе бумаги Лебедев. — Вон их сколько. Это ваши пекари да солдатики?

— А вот Алексей Николаич съездит туда, а потом нам расскажет.

Чиновники потребовали чаю и еще час разбирали приготовленные списки. Лыков сидел сбоку и помогал советами. Идти в кабинет не хотелось. Там его ждал Азвестопуло. Как сказать Сергею, что он через три дня уезжает к Полярному кругу?

Но делать было нечего. В очередной раз Алексей Николаевич подавил в себе злость на начальство и отправился огорчать помощника.

ГЛАВА 2

По Енисею

Лыков с Азвестопуло сошли с поезда в Красноярске, помятые и уставшие от семидневной езды. В пути они разделили обязанности. Алексей Николаевич взял на себя самую трудную часть командировки — он собрался обследовать Туруханск. Для этого ему предстояло спуститься по Енисею на полторы тысячи верст. А у села Монастырское свернуть в речку Туруханку и подняться по ней на тридцать пять верст, в непроходимые болота. При удачном ходе дела поездка должна продлиться почти месяц. Причем непосредственно обследование можно было завершить за два-три дня, а все остальное время съедала дорога.

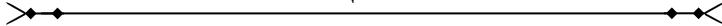
Помощнику Лыков отдал что полегче: изучить ближние, южные уезды Енисейской губернии — Минусинский и Ачинский. В среде ссыльных поселе-

ние там считалось чуть ли не курортом. Сергей должен был управиться за неделю и быстро вернуться к жене. Авось успеет к родам. В его отсутствие надзор над Марией взяли на себя опытные дамы: Ольга Лыкова-Оконишникова и баронесса Таубе.

Красноярск — живописный город на левом берегу Енисея. С трех сторон его обступают горы. Но полицейским было не до красот, они торопились. Плыть вниз лучше всего на пароходе, а судоходство развило слабое, пароходы к Монастырскому ходили редко. Лыков бегом отправился к губернатору, но того не оказалось. Прежний, Гирс, уже убыл, а его преемник Болотовский еще не вступил в должность. Ехал-ехал из Риги, где прежде начальствовал над Лифляндской губернией, и до сих пор не приехал... Алексея Николаевича принял вице-губернатор Миллер. От него питерец узнал, что опоздал на пароход. Три дня назад отплыл «Мономах» с партией новых ссыльных. На судне имелись каюты для пассажиров, пусть и второго класса. Следующий рейс не скоро, поскольку в Туруханск ходит только этот пароход, других нет.

— И что делать? — расстроился коллежский советник. — Когда он вернется, через три недели?

— Примерно, — ответил Миллер. — Но есть способ его догнать. Найдете илимку, это такая лодка. И в путь. При хорошей погоде настигнете «Мономах» где-нибудь в Анциферовской волости и пересядете. Только надо действовать быстро!

— А моего помощника устроите?
— Поручу полицмейстеру, он распорядится, —
ответил вице-губернатор. — А вы тотчас ступайте
в полицейское управление, пускай вас снаряжат.

Так Лыков остался один. Нужно было спешить,
и он даже не ночевал в гостинице. Командированный
едва успел купить в дорогу чаю, сахара и водки.
Уже через пару часов помощник красноярского по-
лицмейстера усадил его в большую плоскодонную
илимку, наказал команде стараться и взял под козы-
рек. И лодка отправилась в путь.

Алексей Николаевич впервые плыл на таком эк-
зотическом транспорте и с любопытством смотрел
по сторонам. В попутчики ему достался штабс-ка-
питан резервных войск Сухобрус, который возвра-
щался к себе на кордон. Офицер давал питерцу по-
яснения.

Перво-наперво гостя удивил экипаж илимки.
В нем было четыре гребца и рулевой. На веслах си-
дели бабы и девки, а единственный мужчина правил.
Слабый пол оказался весьма даже сильным: крепкие
чалдоны быстро гнали большую лодку по течению.
Рулевой, жилистый и коричневый от загара, едва
успевал маневрировать. Енисей возле Красноярска
не набрал еще ширины, но несся на север стреми-
тельно.

Посреди илимки была устроена будка из ивовых
прутьев, в которой расположились пассажиры. На
корме повизгивали четыре собаки.

— А они зачем? — спросил сыщик у штабс-капитана.

— Как же! Это вниз легко лететь. Особенно когда поднимется попутный ветер и можно будет поставить парус. А вверх другое дело — тяжело против течения. Вот тогда собаки и пригодятся. Они потащат илимку, как бурлаки — по берегу, на веревках. А чалдоны пойдут пешком.

— Вот скажите, к слову — что за люди ваши чалдоны? — начал от скуки длинный разговор питерец. — Я имел с ними дело в Забайкалье, а здесь они какие-то другие.

— Не знаю, как на той стороне Байкала, а у нас думают так: чалдоны — это коренные сибиряки. То есть те русские, что сотни лет назад пришли сюда. Некоторые фамилии ведут свой род от Ермака и его есаулов, чем очень гордятся. Проверить родство, правда, нет никакой возможности, и скорее всего тут вранье, легенды. Почему-то считается, что казаки Ермака пришли с Дона. Про них так и говорили: человек с Дона. Потом со временем сократилось до чалдона, такое объяснение. Глупость, но верят. Народ крепкий, самостоятельный. Охотники, рыболовы, таежные следопыты. Одно плохо — сильно пьют. Что мужики, что бабы. Русских с той стороны Урала, переселенцев, чалдоны презирают и называют лопотонами.

— А почему бабы сидят на веслах, а этот прохлада-
ждается у руля?

— Здесь так принято, — пояснил Сухобрус. — Они и на медведя ходят, честное слово! Смелые...

— А где, по-вашему, мы нагоним «Мономах»?

Штабс-капитан неопределенно указал рукой вперед:

— Поздно выступили, до Енисейска, уездного города, не догоним. Придется проскочить мимо. Жаль, там хороший есть трактир... А может, заглянем?

— Мне надо на пароход успеть.

— Мы на часок всего. Провизии так и так нужно прикупить. А пароход нагоним уже в Анциферове. Это большое село, волостное.

— Провизии-то зачем? — удивился Лыков.

— Вам, может, и незачем, а мне на пароходе не плыть и из его буфета не столоваться. До Ворогова на одной ухе не дотянуть.

— Почему вам на пароходе не плыть? Там же удобнее. Вы офицер.

Сухобрус мотнул головой:

— То-то и оно, что офицер. На пароходе нужно за билет платить. А илимка бесплатно отвезет. Чалдоны обязаны доставить, кровь из носу. Это их обязанность: возить по реке почту и людей. Взамен жители прибрежных станков освобождены от воинской повинности.

Лодка продолжала нестись полным ходом. Рулевой вывел ее на середину Енисея, подальше от коряг и камней. Левый берег реки был низменный, а правый — высокий. На воде не обнаружилось никакого

ких других лодок — пустая река, сколько видит глаз. Берега тоже выглядели ненаселенными, и от этого на душе делалось как-то угрюмо.

— Тут еще что, — заметил настроение питерца штабс-капитан. — Леса хорошие, красиво даже. А как спуститесь в Туруханский край, начнется. Болота да болота, ельник низкий, убогий. Комаров несчетное количество. Вы, кстати спросить, накомарник-то с собой взяли?

— Догадался.

— Поди, кисейный?

— Нет, из конского волоса.

Штабс-капитан посмотрел на попутчика с уважением:

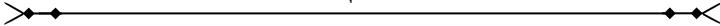
— Бывали здесь раньше?

— Здесь впервые, а бывал в Забайкалье, я же говорил. Комары везде бич, что там, что тут. А от мошки никакой накомарник не спасет...

Потом они долго плыли молча, пока Алексей Николаевич не спросил, куда держит путь штабс-капитан.

— Есть такой станок — Ворогово, — ответил тот. — Он охраняет границу между Енисейским уездом и Туруханским краем. Там военный кордон, которым я командую. Сам край начинается от знаменитого Осиновского порога, который ваш пароход должен будет прошмыгнуть. А это не всегда удается...

— Что за кордон? Беглых ловите?

— Точно так, Алексей Николаевич. По тайгеходить, где вздумается, нельзя, попадешь на заломы — и застрянем...

— Заломы — это вывал леса? — сообразил Лыков.

— Угу. Бывает, что они тянутся на версту, и стволы лежат в два-три слоя. Ураган как саблей срубил. Такую баррикаду не перелезешь и не обойдешь. А если даже попытаешься, угодишь на болото или гарь. Так что с тропы никуда не свернуть. Тропа — вдоль берега, на тропе — наш кордон. Беглому другой дороги нет.

— А по реке?

— И там кордон! Все лодки и пароходы причаливают, мы их осматриваем, проверяем документы, грузы.

— Судно обыскиваете или только бумаги глядите?

— Теперь обыскиваем, — заявил штабс-капитан. — А то в прошлом году был случай: трое беглых спрятались на «Мономахе» в якорном ящике. И доплыли до Енисейска, сволочь. Команда помогала!

— И как вы об этом узнали?

— Да их поймали потом: одного — в Иркутске, а двоих — в поезде, по пути в Москву. Они и рассказали. Теперь я строго за этим слежу, все потайные места велю проверять.

— Еще как убегают ссыльные? И правда ли, что зимой побеги абсолютно невозможны?

— Зимой да, совершенно нельзя. Замерзнешь или от голода пропадешь. А то тунгусы по следам

отыщут и приведут к стражникам, им за это премия полагается. Зимой — никак.

— А летом кому-то удается?

Сухобрус вздохнул:

— Вы же не из простого любопытства спрашиваете?

— Служба такая, Иван Остапович. Я бандитов ловлю-ловлю, а они потом опять возникают. Вот начальство и послало узнать, как это происходит. Будьте добры ответить.

— Летом, конечно, проще утечь. Но тоже не вся-кому удается. Вот попадете в Туруханск, сами увидите. Городок словно на острове: с одной стороны — речка, с другой — озера да болота. Делься некуда.

— А как же тогда сбежал Африкант Силин? — задал давно подготовленный вопрос сыщик.

— Силин? Это который после каторги прибыл на поселение? Налетчик?

— Он, сукин сын.

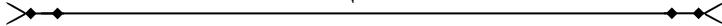
Штабс-капитан опять мотнул головой:

— Черт его знает... Говорили, что через Карское море сдернулся.

— А это возможно?

— Теоретически — да. Там ниже Монастырского есть станки Индигирка и Диксон. В них заплывают иногда норвежские пароходы. Они могут взять на борт беглого. Теоретически.

— А достоверные такие случаи вам известны? — продолжал расспросы коллежский советник.

— Говорят, что того... было раз-другой. А правду кто скажет? Такие вещи держат в секрете. Однако...

Офицер запнулся. Лыков ждал: у него возникло ощущение, что собеседник сейчас сообщит что-то важное.

— Мы между собой обсуждаем иногда. Ну, стражники. И такое есть мнение, что кто-то им помогает.

— Им — это беглым? — уточнил питерец.

— Да. Смыться из Туруханского края нельзя, я вам уже говорил. Край огромный, по площади как четыре Германии. А живет в нем всего десять тысяч человек. Отошел в сторону от тропы — и пропал. А на тропе — кордон, тоже пропал. Но ссыльные все равно бегут. И не всех мы потом находим живыми или мертвыми.

— Кто же им помогает? Тунгусы? Чалдоны? За деньги вполне возможно... — рассудил Лыков.

— За золото еще, — добавил штабс-капитан. — Недалеко от Назимова есть прииски, туда кого попало берут, паспорта не спрашивают. А то можно его, золотишко, самому намыть, хищническим способом. Если повезет или знать места.

— Деньги... — повторил коллежский советник. — Откуда они у ссыльного? И сколько может стоить побег из Туруханска?

Сухобрус пожал плечами:

— Сам не бегал, не знаю. Но несколько сотен придется отдать, навряд ли меньше. А откуда такая

мошна у поселенца, тут все ясно. Товарищи с воли помогают.

— Допустим, я достал три-пять сотен. Дальше что?

— Дальше ищете помощника из местных. Который проведет до Монастырского, а еще лучше спустит вниз по Енисею. Например, на такой вот илимке при помощи собак.

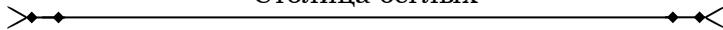
— Но ведь ссыльные обязаны отмечаться у стражника.

— Раз в неделю он приходит, — отмахнулся штабс-капитан. — Да и то можно соврать: или рыбу ловить нанялся, или телеграфную линию починяет, а то в соседний станок двинул, в картишки перекинуться с другими ссыльными.

— Про линию не понял, — остановил попутчика Лыков.

— Видите, вон она вдоль берега тянется. И так до Диксона. Чуть не две тысячи верст. Столбы надо подправлять, менять, усиливать. Почтово-телеграфное ведомство за это платит. Ремонт телеграфа — исконное занятие ссыльнопоселенцев, чалдоны никогда за него не берутся. Им надо, пока лето, рыбы и мяса наморозить, ягод да грибов набрать. У иного запашка есть, особенно южнее, там рожь кое-как да вызревает. Вот ссыльным и поручают, других рабочих рук здесь нет.

— Хорошо, — согласился Алексей Николаевич, — я достал деньги и нашел помощника. Обманул страж-

ника с урядником, которые считают, что я подправляю телеграф и скоро вернусь. Сколько они так будут думать?

- До осени могут.
- Дальше что?
- Дальше верный чалдон везет вас вверх по Енисею. Докуда получится.
- Я попадаю на ваш кордон в этом, как его?
- В Ворогово, — подсказал штабс-капитан.
- Как же я там проскочу через стражников?
- Нет ничего невозможного. Старшим в карауле стоит унтер-офицер. Их у меня в отряде четверо. Вроде бы порядочные, службу знают. Но ведь в душу не заглянешь. Дадут ему полсотни, это его жалование за полгода. Как он устоит? А если больше сунут? То-то...

Лыков не унимался:

- Прокочил я Ворогово. Сколько мне идти дальше?
- До Енисейска пятьсот верст, но беглому туда не надо, там его поймают. Беглому нужно в большой город, где можно затеряться и где железная дорога.
- То есть в Красноярск, — констатировал сыщик. — А до него тысяча?
- От Ворогова? Да.
- И как прячущийся от всех человек преодолеет эту тысячу верст? На берегу пусто, каждая душа на виду. А он ясно, что нездешний.

Сухобрус думал недолго:

— Ссыльнопоселенец имеет право на отлучку с разрешения начальства. Для приискания заработка, например. Или в город к доктору. Сооруди документ и маши им, где надо. Подпись туруханского царя Булевского подделать нетрудно.

— Это приставу так фамилия?

— Да.

Лыков стал загибать пальцы:

— Деньги — раз. Помощники из местных — два. Фальшивые документы — три. Что еще нужно, чтобы успешно сбежать отсюда?

— Тайные квартиры в больших городах.

— Пристанодержатели — четыре. Все?

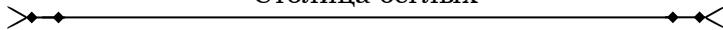
— Нет, не все, — ответил штабс-капитан. — Рано или поздно станет известно о побеге. По телеграфу сообщат фамилию и приметы. И тогда отчаянному человеку нужно будет где-то отсидеться. Сменить наружность, обзавестись новыми документами, купить билеты на поезд. То есть не день-два прокантоваться в притоне у воров, а месяц или больше. Чуете?

Лыков понял, что нашупал важную нить:

— Меблирашки, где не спрашивают прописку? Таких нет. Рано или поздно околоточный все равно придет. Или вы, Иван Остапович, имеете в виду нечто другое?

— Другое, Алексей Николаевич. Давно об этом слухи ходят, по крайней мере у нас здесь. У вас в Петербурге — не знаю.

— О чём слухи?

— Будто есть где-то в Восточной Сибири санатория для беглых. Так мы ее промеж себя называем.

— Где-то в Восточной Сибири... — задумчиво произнес Алексей Николаевич. — Но не здесь, на Енисее?

— Здесь нельзя, мы, стражники, сразу увидим. Надо поближе к железке, но не в полосе отчуждения, а на некотором удалении. Чтобы людей вокруг было мало. Но при этом имелись лавки, амбулатория, баня, свежий хлеб, продажные девки, галантейный магазин с готовым платьем. Ничего этого здесь нет, а есть вокруг больших сибирских городов: Тобольска, Красноярска и Иркутска. Лично я думаю, что... что санатория, если она действительно существует, спрятана под Иркутском.

Коллежский советник насторожился:

— Почему именно там? Были сигналы?

— Не то чтобы сигналы, но слухи ходят давно, — признался Сухобрус. — В прошлом году из Туруханского края сбежали семнадцать человек, десять политических и семеро уголовных. Беру лишь тех, кого не поймали и мертвого в тайге не нашли. Куда они делись? Как сумели просочиться? Не на воздушном же шаре улетели. Без сильной поддержки невозможно, я объяснял почему. Значит, кто-то им помогает. И этот кто-то при власти околачивается. Провел мимо кордонов, приставов с урядниками, станционных жандармов. Но ведь опытный полицейский подозрительного человека увидит сра-

зу. А тут не разглядел. Как так? В лапу дали, он и не разглядел.

— Но вы сказали про Иркутск...

— Да! Иркутск подходит лучше других. Там места глухие, на севере почти безлюдные. Но уже благоустроенные, баню с девками найти — не проблема. Железная дорога, опять же. Ссыльнопоселенцы бродят толпами, да на законных основаниях. Строят Амурскую колесу[◆], тянут второй путь железки^{◆◆}, на золотые прииски большой набор, на ангарщину не меньше — есть где затеряться.

— Ангарщина что такое?

— Рыбный промысел на севере Байкала, возле устьев рек Верхняя Ангара и Кичера. Дикие места. С мая по ноябрь там куча народу кормится; ссыльные, бродяги, беглые каторжники — все в дело идут. Полиции не бывает, условия жизни адские, поэтому нанимаются сброд, кого в другие места не возьмут.

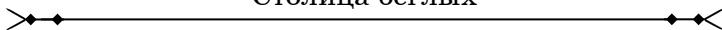
— А вы откуда знаете про ангарщину? — удивился Лыков.

— Я там служил, в Пятом Иркутском резервном батальоне. Его во время войны с японцами в полк перестали, а тогда был батальон. Ну и того... иркутские обычай не забыл. Самый страшный в Сибири город, скажу я вам. А может, и во всей империи. Даже днем могут жизни лишить за полуушку. В том же Красноярске не в пример спокойнее.

Коллежский советник осмыслил услышанное и сказал:

◆ Колесу-
ха —
Амурская ко-
лесная дорога,
для строитель-
ства которой
в 1909 году
набиралось
большое коли-
чество рабо-
чих.

◆◆ В 1909 году
Сибирская
железная до-
рога еще была
одноколейной.

— Иркутск называют столицей беглых. Сам я был там проездом и давно, ни подтвердить, ни опровергнуть не могу. Неужели так плохо?

— Собственно город приличный: театр есть, Ангара красивая, имеется несколько нарядных улиц. После бедственного пожара тысяча восемьсот семьдесят девятого года, когда выгорела лучшая часть, запретили в центре деревянные дома, и наш Иркутск похорошел. Но... Он действительно столица беглых. Весь сброд тянется почему-то сюда.

— Странно, полицмейстер в отчетах об этом молчит.

— А чего ему молнии на голову привлекать? — усмехнулся штабс-капитан. — Я тоже начальству не все рассказываю. А вы разве не так?

— Я чиновник особых поручений Департамента полиции, бумаг пишу мало, все больше ташу и не пущаю. В том смысле, что в командировках постоянно.

— А... Повезло вам со службой, Алексей Николаевич. Бумаг мало. Я вот мелкая фигура, а и то замучили отчетами. Сейчас вся Россия пишет и в Петербург шлет, скоро засыплют его по самый шпиль Петропавловского собора.

— А подсказки какие-нибудь есть у вас, Иван Остапович? Возьмут да отправят меня в Иркутск заразу выкорчевывать. Или я сам напрошусь.

Сухобрус внимательно посмотрел на сыщика и предостерег:

— Самому туда проситься не надо.

— Почему?

— Уж поверьте мне, Алексей Николаевич, что не надо. Дались вам эти беглые...

— Если на то пошло, то дались, — взъелся коллежский советник. — Ловишь их, ловишь, а потом лыко да мочало, начинай сначала! Прибить этой гадине голову гвоздями к собственной спине, ей-ей руки чешутся.

— Они сами кому хочешь прибывают. Особенно кавказцы.

— Кавказцы? В Иркутске?

Штабс-капитан невесело рассмеялся:

— Их там больше, чем в Кутаисской губернии.

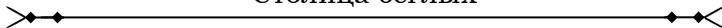
— Поясните.

— Эх... После войны я там уж не был, но от батальонных товарищней знаю: ничего не изменилось. Все так же на улицах режут и грабят. Особенно отличаются в этом подвиге грузины. Исстари в Иркутск ссылали оттуда всякую шваль. И довели до того, что сейчас кавказцы творят на Ангаре, что хотят, и управы на них нет.

— А полиция?

— Куплена, судя по всему.

В разговоре возникла долгая пауза. Лыков обдумывал услышанное. В департаменте тоже давно подозревали, что где-то за Уралом есть «номера для беглых». Они появились три-четыре года назад. Сыскные заметили, что преступники крупного калибра стали реже попадаться. А в случае проверки до-

♦ См. книгу
«Узел».

◆◆ ЖДЖПУ —
железнодорож-
ное жан-
дармско-по-
лицейское
управление.

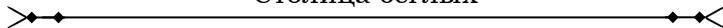
кументов предъявляли подлинные бумаги на чужие фамилии. Недавно внимание Алексея Николаевича на это обратил его приятель Запасов. Сыщик сдружился с жандармом, когда дознавал железнодорожные кражи в Москве♦. После успешного завершения дела Дмитрий Иннокентьевич был произведен в полковники «не в очередь» и получил повышение. Теперь Запасов командовал Нижегородским ЖДЖПУ◆◆. Месяц назад его подчиненные изловили в поезде, едущем из Сибири в Петербург, опасного финляндского сепаратиста. Тот сбежал из Акатуя в кандалах и арестантском халате. А попался в богатой чесучовой тройке, с карманами, набитыми деньгами. Еще с измененными приметами и заграничным паспортом. Как произошло столь чудесное превращение?

Сухобрус назвал номера для беглых санаторией, что сути не меняло. Сибирь наводнена этим беспокойным элементом, счет идет на десятки тысяч. А до введения закона от 12 июня 1900 года в бегах находилось сто тысяч человек! Закон уменьшил количество ссыльных в разы, теперь статистика не такая удручающая. Но все равно дело плохо, и с каждым годом все хуже. На последнем совещании у Зуева возник разговор: найти бы притон и разорить его. Ясно, что местная полиция не справится, ее запугают или купят. И вот сейчас Лыков в Сибири. Когда еще сюда попадешь? Воспользоваться оказией и попробовать разобраться? А надо ли? Как говорили ему в полку: от службы не отказывайся, на службу не напраши-

вайся. Старый армейский закон. В нем вековая мудрость. Потом, в чужой земле порядка не наведешь. Лишь дурак может думать, что он приедет на месяц и все наладит. Если здешняя полиция бессильна, значит, на то есть серьезные причины. Никакой варяг их не устранит. И что делать?

С другой стороны, терпеть ситуацию было уже невмоготу. Алексея Николаевича разбирала злость. Раз за разом повторялось одно и то же: злодея с трудом изымали из общества, запирали в Сибирь, а он вскоре выныривал снова. И опять грабил и убивал. Ладно, сейчас сыщику надо разобраться с Туруханском. Есть время подумать... Но уж больно удобный момент: он недалеко от столицы зеленых ног. Закончить здесь, на Енисее, и перебраться на Ангару. Повод всегда можно найти. Например, формально это будет инспекция сыскного отделения иркутской полиции. Новых отделений открыли чуть не сотню, и хорошо бы проверить, как там обстоят дела. А Курлову с Зотовым объяснить по телеграфу истинные цели командировки. Нил Петрович — опытный человек, сразу поймет и одобрит. Люди калибра Лыкова в Сибирь попадают не каждый год. А шталмейстер будет только рад, что опальный сыщик сам себе придумал трудное поручение.

Сплав по реке продолжался до темноты. Питерец торопил лодочника и заставил того поднять парус. Илимка полетела, как на крыльях. Заночевали путники в селении Нахвальском, в доме волостного ста-

росты. Спали всего пять часов, а ранним утром опять помчались вниз. Плыли целый день и не встретили даже шитика♦. Заночевали в станке Каргино, возле того места, где в Енисей впадала Верхняя Тунгуска♦♦. Местные жители сообщили, что «Мономах» останавливался тут сутки назад, выгружал провиант для ссыльных. Лыков велел еще поднажать...

На третий день плавания еда, взятая в Иркутске, закончилась. Волей-неволей требовалось заглянуть в Енисейск. Город открылся в прогале тайги по левому берегу. Потом долго его не было видно из-за леса, и только через час лодка причалила.

Енисейск, по сибирским меркам, оказался крупным городом. Девять каменных храмов, гостиный двор, монастырь, две полные гимназии — мужская и женская. Имелись даже публичная библиотека и книжная лавка. Прежде тут находилась столица пушной торговли, и местечко процветало. Однако удаленность сыграла с ним дурную шутку. Уж больно удобно оказалось ссыльать сюда ненужных людей. Еще в семнадцатом веке девять лет тут провел протопоп Аввакум. Затем пришла очередь декабристов — Якубовича, Фонвизина, Шаховского. Их сменил Буташевич-Петрашевский, а последнего — Елпатьевский. К началу двадцатого века Енисейск сильно сдал. Сибирская железная дорога прошла южнее, через Красноярск, и забрала отсюда всю жизнь. Разъехались иконописцы, составлявшие прежде славу Енисейска. И теперь это был просто грязный убогий городишко...

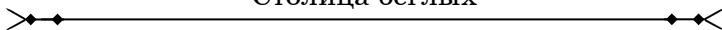
♦ Шитик — плоскодонная лодка, крытая в середине. Корпус лодки был сшит ремнями или прутьями.

♦♦ Верхняя Тунгуска — старое название Ангары в нижнем течении.

Лыков воспользовался своим старшинством в чине и торопил штабс-капитана Сухобруса. Как тому ни хотелось задержаться в цивилизации подольше, уже через четыре часа илимка снова двинулась в путь. Господа успели помыться в бане у исправника, пообедать и слегка напиться. Коллежский советник подарил спутнику бутылку рябиновой на коньяке, чтобы не очень брюзжал. Сам тоже запасся этим благородным напитком. Лодка шла всю ночь, пробираясь в темноте, и утром оказалась в Анциферовой деревне. К радости сыщика, он увидел там пароход. Догнали!

«Мономах» уже собирался отчаливать, когда коллежский советник дружески простился с Сухобруском и поднялся на борт. Иван Остапович чуть не прослезился — ему не хотелось расставаться с щедрым по-путчиком. Обе каюты второго класса оказались пусты, пассажиры сошли еще в Енисейске. А тут целый полковник и до конца плавания. Алексей Николаевич своими тремя червонцами резко улучшил экономику рейса. Он с комфортом расположился у окна, окружил себя батареей пивных бутылок, заказал уху из осетров. Хорошо...

Снова мимо потянулась тайга. Окна лыковской каюты были по правому борту, там, где высокий и живописный берег. Сыщик отдыхал от неудобств трехдневного сплава в илимке и обдумывал планы на будущее. Ехать добровольно в Иркутск или нет? И как быть с Сергеем? У того жена рожает, он меч-

тает скорее вернуться в Петербург. А тут шеф сам напросился на долгую командировку аж к Байкалу. Бросить его одного Сергею будет неудобно. Да и для дела два сыщика лучше, чем один. И возникает вопрос: есть ли у Лыкова право так осложнять жизнь своему помощнику?

Пароход шел быстрее лодки, зато чаще останавливался. Анциферово командированный осмотреть не успел, а другие местечки оказались совсем уж невзрачными. Михалево и Гурино — по пять изб, Холмогорово — семь, а в Шадрино целых четыре... Только Назимово со своими тридцатью избами и мелочной лавкой выделялось из этого унылого ряда. Капитан, не знавший, как ублажить знатного пассажира, взял на себя функции чичерона. Он пояснил Лыкову, что через Назимово идет снабжение всем необходимым золотых приисков. И дальше столь больших селений не будет до самого Монастырского.

По левому берегу бесконечно тянулись леса. Анциферовская волость! Площадь больше Франции, а народу живет меньше, чем в Арзамасе.

Наконец показался небольшой станок с часовым на берегу возле бревенчатой казармы. Это было знаменитое Ворогово, граница с Туруханским краем и вотчина штабс-капитана Сухобруса. Дальше — Осиновский порог, о котором Иван Остапович говорил, что не всякий проскаивает его благополучно.

«Мономах» пробыл на кордоне полдня. Чинили что-то в машине, готовились к рискованному бро-

ску. Коллежский советник от нечего делать осмотрел кордон. Полурота солдат резервных войск, будка телеграфиста, девятнадцать домов обывателей. Ссыльных ни одного, чтобы не могли подсобить товарищам проскочить караулы. Питерец отбил экспресс директору департамента (так и так, все по плану). Истребил на пароходе большую сковородку тагунков — мелкой енисейской рыбешки размером с кильку, но очень жирной и вкусной. И лег спать среди дня. А когда проснулся, страшный порог уже остался позади. Капитан рассказал, что возле левого берега есть узкий проход, где вымыло каменную гряду; в него и проскочил «Мономах». Так Лыков оказался в Туруханском kraе.

После теснины Осиновского порога Енисей принял в себя Подкаменную Тунгуску и сделался вдруг неимоверно широким. От берега до берега в нем стало пять верст — как три Волги! Пейзаж изменился в худшую сторону, сообразно обещаниям Сухобруса. Деревья не такие высокие, между ними разрывы болот, в воздухе пахнет гарью и носятся клочья белого дыма. Тот же чичерон сообщил, что здесь всегда так. Лес горит каждое лето, никто его не тушит — некому. По воде мимо борта потянулись тушки мертвых белок, сотни и сотни. Животные спасались от огня, прыгая в реку, и тонули. Показались несколько лосей, пытавшихся переплыть на другой берег. Матросы махнули рукой — навряд ли получится... Далее боролись с течением медведица и два медвежонка. У этих

шансы спастись были больше — звери пробивались к острову посреди Енисея.

— Доплынут, — утишили пассажиров те же матросы. Они спустили шлюпку и стали собирать с воды мертвых белок — на шкурки. А Лыков уселся к окну и снова задумался над своими делами.

Опять замелькали станки с непонятными названиями: Сумароково, Инзырьевская, Бахтино, Мирная, Чулковская, Долгоостров, Искупая, Верхнеимбатская... Сумароково являлось складочным местом для скупки у населения рыбы. Буфетчик купил там нельму свежего копчения, и весь пароход пропах ею.

Итак, Лыков в Туруханске. Площадь края — 1 659 010 квадратных верст. Это больше, чем Германия, Австро-Венгрия и Франция, вместе взятые. На севере он выходит к Ледовому морю, как арестанты называют Северный Ледовитый океан. Алексей Николаевич впервые оказался в этих местах, и многое его удивляло. Вдруг на небе появились три солнца! Одно главное, а по бокам, справа и слева — еще два, менее ярких и соединенных со средним радиужными лентами. Что за чудеса? Питерец побежал к капитану. Тот равнодушно ответил: здесь всякое бывает, такие широты...

Наконец, когда плавание надоело Лыкову окончательно, справа показалась на горе белая церковь, а под ней горсть домов с плоскими, как по всей реке, крышами. Это было село Монастырское, последний

пункт на Енисее. Отсюда командированному надо плыть уже по другой реке, Турухану. Всего-то тридцать пять верст, зато против течения.

Алексей Николаевич знал от капитана, что «Мономах» простоит в селе полдня, а потом двинется в административный центр края. До самого города он подняться не сможет — Турухан сильно обмелел. Пароход выгрузит пассажиров, где придется, и верст десять-двенадцать придется идти пешком. После девяти суток беспрерывного плавания сыщику это было даже в охотку. Он сошел на берег — и тут же подбежал коренастый мужчина в полицейском мундире с петлицами пристава:

— Ваше высокоблагородие! Туруханский отдельный пристав надворный советник Булецкий. Позвольте приветствовать вас на вверенной территории.

ГЛАВА 3

Туруханск

Полицейские чины двинулись вверх по горе в сторону храма. Позади стражник тащил багаж командированного.

— Желаете сразу в баню? — тактично поинтересовался пристав. — Натоплена к вашему прибытию.

— Вот спасибо! Давайте и впрямь с нее начнем, а то я чуть не одичал, покуда плыл. Вас как зовут?

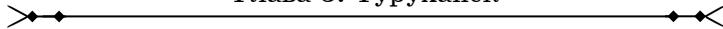
— Лев Фердинандович, ваше высокоблагородие!

Булевский шел, будто палку проглотил: спина прямая, голос преданный, с приыханием. Чует вину, пытается загладить...

— А меня Алексей Николаевич. Давайте по-простому, без китайских церемоний.

— Слушаюсь!

— Нельзя ли задержать пароход, чтобы он не ушел без нас в столицу края?

«Туруханский царь» смешался:

— Так мы уже в ней.

Лыков даже остановился:

— Простите, не понял. Мы в селе Монастырское, а я имел в виду заштатный город Туруханск.

— Изволите ли знать, упомянутый вами город того... Центральное управление краем оттуда переехало. Сюда.

— Как переехало?

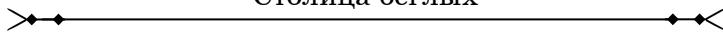
— После пожара в пятом году восстанавливать сочли нецелесообразным. Перенесли все в Монастырское, и теперь, стало быть, головка здесь. Пока неофициально, и не все еще перебрались, однако...

— Что за пожар?

— Так вам в Красноярске не объяснили? — удивился пристав. — В июне мы переехали. Здание полицейского управления, тюрьму — заново отстроили. Из четырех лавок, что были в городе, три переместились следом за администрацией. К зиме достроим больницу, тоже сюда переведем. Жители почти все Туруханск покинули, оседают здесь. Помер город, считайте. Река когда обмелела, начал народ оттуда уезжать. А после того как его сожгли, и вовсе жизни не стало.

— А кто сжег?

— Уголовные из ссыльных, больше некому, — убежденно сказал Булевский. — Однако доказать не получилось.

— Странно, Александр Константинович ничего мне не сказал.

— Миллер? — догадался пристав. — Да вы, верно, торопились. На пароход. Так?

— Так. Беседа, вы правы, получилась короткой.

— Вот он и не успел. Решение о переносе местоположения властей принято еще в прошлом году. Формальности оказались долгие, но к осени закончим. Вот.

Лыков кивнул:

— Хорошо, это я понял. Но мне все равно надо попасть в Туруханск. Ведь Силин с приятелями бежали оттуда?

— Так точно.

— Я должен изучить обстоятельства побега на месте. Поедете со мной для дачи разъяснений. Как же так вышло, Лев Фердинандович?

— Не моя вина, ваше высокоблагородие! В окруже уголовных ссыльных пруд пруди, скоро будет больше, чем коренного населения. Я докладывал, что больше нельзя, надзор будет невозможным, и вот... А рука руку моет. Уряднику сказали, что ушли на работы в Гольчику и Дудинское, пароходы разгружать. Нужны заработки, мы понимаем... Административно-ссыльные получают от казны ежемесячно пятнадцать рублей, на них еще кое-как, но можно жить. А ссыльнопоселенцам ничего не полагается. Им хоть с голода помирай. И губернское на-

чальство по нашим ходатайствам разрешило отпускать таких на заработки в пределах округа.

— Как сбежали Африканец с товарищами? Могли они сесть в Енисейском заливе на пароход и уплыть в Европу?

— Никак нет. Проведенным дознанием точный маршрут выяснить не удалось. Молчат, как омули! Никто ничего не знает. Однако побег на иностранном пароходе практически неосуществим. Капитан знает, что это нарушение закона, — для чего ему рисковать? Денег у голодранцев нет, люди они беспокойные... Считаю такой маршрут невозможным♦.

— Значит, уголовные бежали вверх по реке? — недоверчиво спросил Лыков. — Но как они сумели преодолеть кордоны?

— Об этом следует спросить караульных, — зло парировал надворный советник. — У меня, ваше высокоблагородие, под управлением земли с пол-Европы. Разве за всеми углядишь? Штаты смешно сказать какие. Оклады жалованья еще смешнее. Чего они там, в Петербурге, хотят? Приехали бы да сели на мое место, а я бы посмотрел, как они управлятся!

Было ясно, что «они» для Булевского — это в том числе и Лыков.

— Отложим разговор, — примирительно сказал командированный. — Но в Туруханске продолжим его. Я должен дать отчет товарищу министра генералу Курлову. Если считаете себя невиновным, дайте аргументы. Настоящие, а не про пол-Европы.

♦ В 1913 году политические ссыльные Штерн (Носков), Соколовский и Кучиновский бежали из Туруханского края на английском пароходе, нанявшись на него матросами. Они высадились в норвежском порту Гамерферст и оттуда перебрались в Париж. Капитан парохода, член английской палаты общин Вебстер был за это арестован российскими властями. Его выпустили из тюрьмы лишь после того, как британский министр иностранных дел Эдуард Грей принес извинения русскому

правительству
за действия
британского
подданного.

Алексей Николаевич не собирался куковать у черта на куличках. Провести быстрое дознание — дело двух дней. Дольше пароход задерживать нельзя, а подниматься по течению до Красноярска в собачьей упряжке сыщик не собирался. Он велел Булевскому сообщить капитану «Мономаха», что отплытие назад состоится по решению коллежского советника. Требование являлось незаконным, но в Сибири проходило и не такое.

Быстро вымывшись в бане и пообедав, питерец вернулся на судно. Его уже ждали и тут же снялись с якоря. Пристав сопровождал столичное начальство и покрикивал на капитана и матросов. Действительно, тут он был царь и бог...

Монастырское находилось на правом берегу Енисея, а Турухан впадал в него слева. Пароход развернулся против сильного течения и зашел в устье притока. В Енисей с другой стороны впадала Нижняя Тунгуска, и ширина реки достигала шести верст, поэтому маневр не составил затруднений. Как только вошли в Турухан, пароход резко сбавил ход. Подниматься не спускаться... Кроме того, речка оказалась засоренной карчами, «Мономах» принял лавировать. На носу стоял боцман и лотом замерял глубину, сообщая данные на мостик.

Так они плыли целых пять часов, а поднялись лишь на двадцать верст. Пешком было бы быстрее, подумал Лыков. Но присмотрелся внимательно и понял, что ошибся. Лес по обоим берегам стоял редкий,

то и дело проглядывали обширные болота. Севернее начиналась Тазовская тундра, она и формировалась пейзаж. Еще много попадалось озер, и все они имели правильную круглую форму. Гость спросил у хозяина, почему так. Тот ответил по-солдатски:

— Не могу знать! Местные называют их — шары. Они здесь повсюду и такие, словно их циркулем чертили...

Вскоре стоять на палубе стало невозможно. Налетели такие полчища комаров, которые возможны лишь в Сибири. Полицейские спрятались в каюте. Унылые виды, медлительность хода, гнус — все навевало невыносимую тоску. «Я-то скоро уеду, а как тут люди годами живут», — думал про себя Лыков.

Наконец пароход встал окончательно. На берег полетела сходня. Капитан доложил:

— Дальше фарватера нет, слишком мелко.

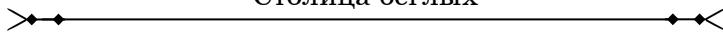
Откуда-то выскочил бравый малый кавказской наружности и доложил Алексею Николаевичу:

— Ваше высокоблагородие! Помощник пристава, не имеющий чина Кибирев явился в ваше распоряжение!

Булевский пояснил:

— Это мой ближайший подчиненный, осетин по нации. Я послал его приготовить илимку с собаками. Дальше будем на ней добираться.

Начальство уселось в лодку. Чалдоны толкнули ее на воду, один сел к рулю, остальные двинулись пеш-

ком — подгоняли собак. За ними поспевал не имеющий чина.

Собаки продвигались вверх по реке намного быстрее парохода. Через два часа, когда начиналась серая полярная ночь, полицейские оказались в Туруханске. Кибирев теперь шел впереди и показывал:

— Тут была лавка купца Кашина. А тут, ваше высокоблагородие, меховой склад Зеликсона. Тоже был...

Лицо у помощника пристава было опухшее, и птичек спросил:

— Что с вами? Гнус?

— Так точно! Со вчерашнего дня в тайге, дождался на берегу вашего прибытия.

— Лев Фердинандович! — укорил гость Булевского. — И зачем это нужно было? Пожалейте людей. Дождались бы мы, пока пришлют лодку из города.

Тот осклабился:

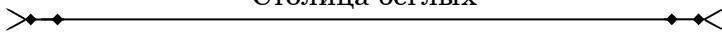
— Знаем, как гостей принимать... А этот пусть, чего его жалеть...

Туруханск поразил Лыкова своим видом. Всюду были разруха и запустение. Десятки, если не сотни домов стояли брошенные, без крыш, без дверей и окон. Только кое-где на порядке попадалась жилая изба самой бедной наружности. Людей не было видно, лишь собаки лаяли на новеньких. Да и то вполголоса, будто по обязанности. И это Новая Мангазея,

столица провинции с семнадцатого века... Бывший уездный город, бывший главный меховой торг всей Сибири. Сюда на Петропавловскую ярмарку съезжались купцы от Москвы до Кяхты. Теперь все это было в прошлом.

Начальство уселось в здании полицейского управления. Там уже чадили дымокуры, выгоняли наружу гнус. Лыков с наслаждением снял с себя накомарник. Услужливый осетин тут же поставил перед ним стакан с горячим чаем и бутылку водки — на выбор. Все у помощника пристава было подготовлено заранее, и питерец от души поблагодарил его.

Далее Лыков провел формальное дознание. Он вызывал по одному тех, кто был причастен к побегу Африканца, задавал вопросы, уточнял, иногда проводил очные ставки. Сыщика интересовало, как могли четыре человека убежать из такого гиблого места и не попасться. Понемногу картина начала проясняться. И помог в этом все тот же Кибирев. Алексей Николаевич сразу почувствовал какое-то напряжение между приставом и помощником. Булевский старался свернуть интересные разговоры, торопил с отъездом, обрывал слишком откровенных рассказчиков. Говорил, что все уже изложил в рапорте, который отоспал губернатору, но в Монастырском у него имеется копия и он предоставит ее в распоряжение ревизора. Там есть ответы на большинство вопросов. И вообще пора возвращаться, ночевать тут негде...

Осетин же, наоборот, домогался от свидетелей подробных и точных ответов. Скоро коллежский советник понял, куда клонят эти ответы. Урядник и два стражника сообщили, что Африкант Силин часто наведывался в Монастырское, с тех пор как туда перебралось управление полиции. Он имел заручку у письмоводителя управления Мелентия Непогодьева. Не иначе, тот помогал налетчику с бумагами, потому как официального разрешения на работы тот не просил. Письмоводитель в этих местах — большой человек. У него на руках бланки, печати, он всегда может подсунуть приставу на подпись нужный документ.

Продавец магазина фирмы «Ревельон» показал, что у Силина имелись денежные суммы, и немаленькие. Налетчик купил даже граммофон с пластинками! И подарил его Непогодьеву, каковой факт письмоводитель пытался скрыть.

Ссыльнопоселенец Шумилкин, из киевских воров, был за что-то обижен на Африканца и сообщил важные факты. Перед тем как сбежать, тот похвастался за бутылкой водки, что у него «куплена вся полиция, начиная с головы». И только помощник пристава, кавказская цаца, пока кочевряжится. Но управа на него найдется, сверху прикажут, и никуда не денется.

Пристав сидел красный, как рак, и пытался ошельмовать свидетеля. Разговор принял опасный для него характер. Но вор держался смело, слишком смело для своего положения. Лыков не мог объяснить себе та-

кую откровенность перед приезжим ревизором. Тот уедет, а надворный советник Булевский останется. Наконец на третьем часу дознания выяснился важнейший факт. Алексей Николаевич спросил у полицейских:

— Где сейчас Непогодьев? Надо его срочно допросить.

— Он отпросился на охоту, — торопливо ответил пристав.

— Вот как? А кто ему разрешил? — с нажимом спросил Лыков.

— Я.

— Вы? Зная, что из Петербурга к вам едет проверяющий?

— Так он через четыре дня вернется. Я телеграфировал в Красноярск, выяснил, что вы на «Мономах» не попали, и отпустил Непогодьева. Думал, вы позже прибудете, и он успеет.

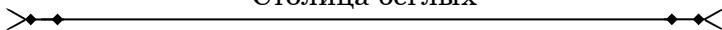
— А то, что я на илимке пустился догонять пароход, вам в Красноярске не сообщили?

— Э-э... Я подумал, что не догоните.

— Как вы могли так решить? У вас побег за побегом, из столицы выслали ревизию, а письмоводитель вздумал поохотиться. Прошел бы ее, тогда и гулял бы.

— Я не подумал о ревизии, — фальшивым голосом произнес Булевский. — Отправил рапорт губернатору, тот ничего не ответил... Мало ли их бежит?

Кириев смотрел коллежскому советнику прямо в глаза; казалось, он сейчас подмигнет.

— Когда ваш Непогодьев вернется? — в голосе ревизора звучало отчетливое раздражение. — Я не собираюсь торчать тут четыре дня. Срочно отзовите его в Монастырское. Сумеете?

Пристав молчал, и тогда за него ответил помощник:

— Не получится, не для того упывал.

— В каком смысле?

— Ни на какой он не охоте, а сбежал. Непогодьев в понедельник сел в моторную лодку Министерства путей сообщения, что возвращалась в Красноярск из Карского моря. Они промеры делали. Смерили — и домой. Вот письмоводителя по пути захватили. Вместе с варшавьянками.

В комнате повисла тишина, потом Булавский заорал диким голосом:

— Тебе кто разрешил поперед начальства говорить, туземная рожа?! Молчать!

— Я разрешаю, пусть докончит мысль, — хладнокровно осадил «туруханского царя» сыщик. — Продолжайте, господин Кибиров. Как вас по имени-отчеству?

— Иван Игнатьевич, ваше высокоблагородие.

— Говорите мне Алексей Николаевич. Так что там с варшавьянками?

— Блонский, Пшибыславский и Леймер. Три револьверца проживали в округе. Первые двое — в Диксоне, а Леймер — в Толстом носе.

— Это из банды «Червоный Круль», что ли? — воскликнул Алексей Николаевич.

- Так точно.
- И?..
- Сели они с Мелентием в ту лодку и отплыли вверх по реке.
- А документы?
- Помощник пристава хмыкнул:
- Этого добра им Мелентий сколько хочешь нарисует.
- Лыков повернулся к приставу:
- Про этот побег вы тоже сообщили в Красноярск?
- Не успел. Собственно, я и не знал! А...
- И Буловский опять заорал на помощника:
- Почему мне не доложили? Я отстраняю вас от должности!
- Отставить! — повысил голос питерец. — Вот, потрудитесь прочесть вслух.
- И он вручил приставу свой открытый лист. Тот развернул бланк и срывающимся голосом прочел о полномочиях командированного. Все чины МВД обязаны оказывать содействие... выполнять распоряжения, отданные в рамках исполнения возложенного на него поручения... знакомить с документами... Внизу стояла подпись Столыпина.
- Ну, поняли?
- Так точно, понял, — вытянул руки по швам надворный советник.
- Тогда слушайте. Вы временно отстранены. Не Кириев, а вы. До завершения разбирательства.

Выходите в соседнюю комнату. Скоро мы здесь закончим и вернемся в Монастырское. Там оформим ваше отстранение, я телеграфирую Курлову. Еще губернатору, он должен уже прибыть. На вашу переписку я накладываю арест до завершения следствия. Все бумаги опечатаю. Если есть что сказать в свое оправдание, говорите.

— Это все Ванька, он давно хочет меня подсидеть.

— Что Ванька? Он помог сбежать полякам? И он дал слишком много воли письмоводителю? Идите.

Как только Булевский вышел с гримасой оскорбленного достоинства на лице, Кибирев сказал:

— Правильно, ваше... Алексей Николаевич. Обыск, непременно обыск. И деньги найти, Мелентий с ним делился. Но деньги пристав не дома прячет, я уверен. А у своей любовницы Серафимы Мухиной. Там тоже надо обыскать. Разрешите, я лично?

— Рассказывайте, что у вас здесь творится, Иван Игнатьевич. С самого начала.

— Да вы уж все поняли. Бегут от нас за деньги, махинация отложена. У кого нет за душой, тот сидит. С ума сходят многие...

— Давайте ближе к делу.

— Слушаюсь.

— Давно это у вас завелось?

Помощник пристава понурился:

— А что я мог сделать? Булевский мне ходу не давал, все бумаги только за его подпись... И выехать

отсюда ни-ни. На Гыданский полуостров, к полюсу — пожалуйста, а в Красноярск, сказал, и думать забудь.

— Я вас спросил о другом.

— Давно, Алексей Николаевич. Третий год.

— Дела... И сколько за это время ссыльных утекло? Через отлаженную махинацию.

— За полсотни. Эсеры своих бойко вытаскивают, социал-демократы, финляндцы. Это из политических. Варшавьяди денег никогда не жалели, любимые клиенты были у Непогодьева. Потом дашиаки, армянские боевики. Этих не поймешь, политические они или уголовные.

— Анархисты еще не пойми кто, — поддакнул Лыков. Но осетин возразил:

— Нет, для побегов организация нужна. Анархисты каждый сам за себя.

— Хорошо. Кто из социал-демократов чаще бежит — беки или меки?♦

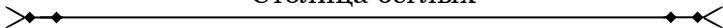
— Беки. Они злее.

— Хоть что-то вы пытались сделать? — не удержался от укора Лыков.

— Писал товарищу, он канцелярский служитель в губернском жандармском управлении. Тот сказал: сиди и не чирикай. Губернатора меняют, придет новый, тогда и подумаем. Хорошо, что вы приехали...

Коллежский советник понимал, что помощник пристава топит своего начальника. Это производило неприятное впечатление. Но с другой стороны, нуж-

♦ Беки — большевики, меки — меньшевики.

но было исправлять ситуацию. Похоже, Буловский не просто запустил дело, а изменил присяге с целью наживы. Измену требовалось доказать, и для этого имелись нужные люди. Но они далеко, за тысячу восемьсот верст отсюда. А пока суд да дело, кто будет управлять огромным краем? Его нельзя бросить ни на день, иначе ссыльные окончательно разбегутся. Вот Кибирев и станет пока исправлять должность, до утверждения губернатором.

Пора было возвращаться в Монастырское. Лыков напоследок собрал всех наличных ссыльных бывшего города и выслушал жалобы. Люди говорили одно и то же: работы нет, жить не на что. Чалдоны если и нападают кого, то лишь за еду. Сытым будешь, но денег не получишь. С рыбной ловлей та же история: закупка для городов два месяца в году, а потом чем заняться? Разрешение на отлучку в пределах Туруханского отдела кое-как дают, но тут нигде не нужны рабочие руки. Хорошо платят на золотых приисках. Однако туда как раз не отпускают. Хоть с голода подыхай!

Что скажешь усталым озлобленным людям? Не надо было воровать и делать революцию? Алексей Николаевич записал претензии и обещал передать их губернатору. И покинул Туруханск.

Обратный путь оказался легче. Ветер дул не с болот, а со стороны Енисея, и комаров по сибирским меркам было немного. Когда дошли до парохода и поднялись на палубу, оказалось, что она вся забита людьми и пожитками. Это очередные эмигран-

ты из Туруханска ехали на новое место жительства в Монастырское.

— Скоро тут совсем никого не останется, — вздохнул Кибирев.

Когда добрались до села, Булевский удалился к себе на квартиру. Алексею Николаевичу пришлось делать там обыск. Заодно он допросил бывшего пристава. Пришлось обходиться без постановления судебного следователя. По закону, в случаях, не терпящих отлагательства, сыщик имел на это право, иковал железо, пока горячо.

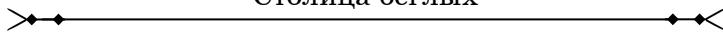
Еще он отослал две длинные телеграммы. В одной сообщил начальству о том, что своей властью отстранил пристава отдела от должности за преступную халатность. И объяснил, в чем она выразилась. Депешу он адресовал Курлову, Зотову и губернатору Бологовскому. Начальство пусть само решает, как правильно оформить действия коллежского советника.

Вторую телеграмму Лыков послал по всей коммуникационной линии Монастырское — Красноярск. В ней он предписывал арестовать письмоводителя Непогодьева и трех поляков. Сообщались приметы беглецов. Когда Иван Игнатьевич прочел эту депешу, то сказал:

— Поздно. Они уже ускользнули.

— Моторная лодка еще не успела добраться до Красноярска. Прошло только четверо суток.

Кибирев покачал кудрявой головой:

— Беглецы не дураки, понимают, что в Красноярске их уже будут ждать. Они свернули в Верхнюю Тунгуску. Там спустятся, сколько хватит возможности, а потом посуху пойдут в Иркутск.

— Почему именно в Иркутск? — встрепенулся Лыков. — Кстати сказать, часть пути к вам я плыл в компании штабс-капитана Сухобруса. Знаете его?

— Так точно. Начальник Вороговского кордона. Добросовестный офицер, японцами раненный.

— Про рану он ничего мне не сказал. Зато выдвинул предположение, что где-то в Восточной Сибири есть потайное место, в котором отсиживаются беглые. Выжидают, пока полиции надоест их искать. Заодно лечатся, кто больной, меняют наружность, запасаются документами. Ничего не добавите к словам Ивана Остаповича?

Осетин энергично поддержал версию штабс-капитана:

— Я потому и говорю так уверенно про Тунгуску. Иркутск ведь стоит на ней; правда, там она называется Ангара. А город ох какой непростой... Оттуда куда хочешь можно податься: или в Харбин, или во Владивосток, или в европейские места.

— Сухобрус назвал убежище санаторией. Мы в Департаменте полиции говорим: номера для беглых. Но точный адрес, имя содержателя, пароли, подводчики — ничего не известно. Само существование притона только предположение. Как нам его найти?

— Номера для беглых... — задумчиво повторил осетин. — А название правильное. Или санатория — тоже подходит.

— Так что скажете? Нет каких-то подсказок или догадок?

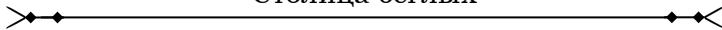
— Догадка имеется. Мы тут промеж себя тоже обсуждали. Есть беглые, так сказать, бестолковые. Дают стрекача наобум, без денег, с дурными документами. Таких мы быстро ловим. А есть хитрые и смекалистые. У них и деньги в наличии, и бумаги комар носу не подточит. Но этого для успеха мало. Нужны еще люди, которые подберут пути следования. Сопроводят, укроют на этапах. Сменят прокисшие паспорта на свежие. И доставят через обходные тропы в санаторию.

— Ага, — оживился сыщик. — Кажется, я вас понял. Вы хотите сказать, что санатория, чтобы быть успешной, нуждается в агентах. Так?

— Именно. Причем агентов должно быть много. Они повсюду на маршруте, у них связь, пароли-явики и свои люди в каждой полиции, навроде нашего про дажного Непогодьева. Вот что я имел в виду.

Слова осетина захватили питерца. Неужели он прав? Целая организация с представителями во всех важных пунктах, где сильный надзор. С явочными квартирами, по которым, как эстафету, передают беглеца с рук на руки. Почему нет? Такие организации много лет существовали у бегунов♦. А народники с их ячейками в каждом крупном городе? Тут

♦ Бегуны — одна из самых законспи-рированных раскольнических сект.

же кто-то придумал штуку похитрее. Способную давать доход. Сибирь наводнена людьми, которые спят и видят, как бы отсюда убраться. Многие готовы за это платить. У других имеются сильные и денежные покровители, согласные выкупить своего человека. Лыков знал, что крупные антиправительственные партии создали у себя специальные органы, отвечающие за вызволение арестантов из мест заключения. Спрос есть, значит, есть и предложение. Уже не в первый раз всплывает Иркутск как базис номеров для беглых. Фактов никаких, но не просто так называют именно этот город. Надо ехать, разбираться.

До отплытия «Мономаха» оставались сутки. Лыков обложился бумагами, конфискованными у пристава. В запечье у его полюбовницы Мухиной Кибиров отыскал семнадцать тысяч рублей! Ни баба, ни сам пристав не могли внятно объяснить происхождение этих сумм. Видимо, они не ожидали побега письмоводителя и не успели спрятать улики. Кое-что удалось найти и на Мелентия. Он готовился к побегу и сжег все лишнее. Но в почтовой конторе остались копии полученных им телеграмм. Алексей Николаевич просмотрел их и обнаружил, что Непогодьев накануне обменялся пятью депешами с неким Самсоном Родонаем. Телеграммы он посыпал в Иркутск! И фамилия нерусская, похожа на грузинскую. Возможно, это была ниточка.

Закончив дела, Алексей Николаевич сел на пароход и дал команду отчаливать. В Монастырском